

— Тетрадь первая —

Хорошо бы поехать в Венецию зимой. Одеться в тогу, ходить по набережным, не зная латыни декламировать Вергилия и Горация, зависать в загородных палаццо с развратными итальянками. Но кто ж тебя пустит в Европу с российским паспортом. Блажь.

Еще лучше было бы тусоваться в Дублине. Дублин — город с ярко освещенными витринами, пабами, магазинами, отвратительной погодой, еще более тяжелой от того, что окна освещены; город, где хорошо чувствовать одиночество среди толпы, где хорошо и сладко страдать:ходишь в магазин, но у тебя нет денег, идешь в бар, но у тебя нет денег и компании; можно купить один кофе или посмотреть на прилавки, пока греешься от промозглого ирландского вечера, но служители быстро вычисляют таких, даже хорошо одетых, подходят, вежливо спрашивают по-английски, что угодно-с; если ничего не угодно, волей-неволей приходится уходить. С другой стороны Лиффи, в Темпл-баре, дым стоит ко-ромыслом, сидят туристы из разных концов света, играет кельтская музыка, так, что и не поговоришь ни с кем. В пригородах унылые одинаковые домики, даже

погреться некуда зайти, может, только в церковь. Вот так устроено ирландское одиночество, да и любое северное, шведское, например, или датское.

Но с российским паспортом в Ирландию еще сложнее попасть, чем в Италию.

Хотя и здесь, у нас, в России, одиночество устроено в целом так же. Когда тебя, например, выписывают из больницы или из изолятора временного содержания, в которую больницу или изолятор ты попал не по собственной воле, но как-то свыкся, и уже готов провести там столько времени, сколько понадобится, а еще лучше и в два раза больше, чем понадобится, а то и вообще не выписываться, — когда тебя выживают не по твоей воле, как и вписали, — и когда ты выходишь из больницы (изолятора), возвращаешься в общагу и узнаешь, что тебя выселили и оттуда, и снова не по твоей воле, забираешь у коменданта вещи, хранящиеся в кладовке, а белье они реквизировали и сами — вот тогда твое одиночество точно не хуже ирландского и итальянского не хуже. В России от твоей воли ничего не зависит. И тебе некуда идти, только вернуться в свой город, уж там-то ты как-то прожил целых шестнадцать лет до поступления в институт, прежде чем мыкаться по общагам и городам, там как-нибудь разберешься, что делать, там родители, одноклассники не все уехали, можно пересидеть, осмотреться и понять, что делать дальше. Возможно, даже домой не стоит соваться, с матерью не переписывался и не созванивал-

ся уже полгода, она и не знает, где ты сейчас, был ты в больнице, или в изоляторе временного содержания, или нигде не был. Но все равно это родина, почему-то все равно тянет на родину, иррационально это кажется единственным местом, где можно передохнуть от своего прекрасного одиночества.

На привокзальной площади за несколько метров до промежуточной безопасной цели меня задержали менты. Их было трое. Сержант Бзмздз, сказал один, ваши документы. Я подал ему паспорт. Тааак, так, сказал он. А где штамп о регистрации? Послушайте, я домой еду, сказал я. Вот мой билет. Они посмотрели на мой билет без большого интереса. Билет ладно, а долго вы в Перми? Где билет о вашем прибытии в Пермь? Я показал другой билет, еще весенний. Ну смотрите, прошло уже гораздо больше тридцати суток, сказал сержант Бзмздз. Ну вот же у меня билет, я уезжаю, сказал я. Непорядок все равно, сказал сержант. Нам полагаются вас задержать и проверить, что вы тут так долго делали. Но у меня же поезд через полчаса. Ну что поделайте, купите другой билет, один, что ли, поезд на свете. «Пройдемте» он не говорил, значит, у меня оставался шанс.

Я защищал здесь диссертацию, сказал я. Что-о, спросили менты. Защищал диссертацию. Вернее, предзащищал. У меня автореферат с собой, могу показать. Ну, покажите, разрешил сержант Бзмздз. Я достал из сумки автореферат. У меня там было еще четырна-

дцать таких же. Я решил, что одного не жалко. Хотите, можете себе оставить, сказал я. Да зачем он нам, сказал сержант, хотя в глазах у него было сомнение: все-таки книжка. А вот ладно, сказал он мне, мы сейчас и проверим: как она называется? Что называется? Да вот книжка эта ваша. В смысле диссертация? Ну да. О свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью, сказал я. А вот и неправильно. Что? А! О *некоторых* свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью. О, вот теперь правильно. Они, кажется, не знали, что со мной делать дальше, с такой отмазкой они явно не встречались. Вдруг запахло этиловым спиртом. Ладно, все, идите, и больше чтоб регистрационный режим тут не нарушали, заторопились вдруг менты. Все, бегом, закричал сержант, протянув мне мой паспорт. Отойдя, я оглянулся и увидел, как они собрались в кружок и что-то обсуждали, взволнованно показывая руками в разные стороны и с испугом оглядываясь.

Я прошел под часами через конкорс, купил бутылку пива «Вятич», нет, даже две, пожалуйста, нет, пожалуйста, три, а еще в киоске были игральные карты, уральские сувениры, бурдюк для вина, календарики, мягкие игрушки, зажигалки и сигареты, дорожные шахматы и так далее. Нет, ладно, четыре бутылки. Молодой человек, вы уж определитесь. Я успел пройти по подземному переходу к поезду как раз перед тем, как он тронулся: оказывается, часы на вокза-

ле отставали на десять минут, и, задержись я еще на тридцать секунд, я бы не успел. Я бы не успел. Я вошел в вагон, когда поезд уже был на ходу. На перроне слышались крики, и я испугался, что это сержант Бзмздз с товарищами. Хорошо, что они не успели меня обыскать, ведь я успел позаимствовать кое-что и в больнице, и в общежитии; но нет, это бежала за поездом девушка красоты необычайной, то есть для меня красоты необычайной, другой бы назвал ее внешность просто интересной, а иной бы остался к ней равнодушен. У проводника не было времени на ходу посмотреть ее билет, поэтому мы с ним просто втащили ее в вагон. Поезд мчался уже с приличной скоростью, когда на платформу выскочили полицейские вместе с санитаром из больницы. Полицейского я не узнал, а вот санитар узнал. Узнал, узнал я санитар. Он был в медицинской шапочке и в халате, как и все санитары на свете, но это был *мой личный* санитар. Они свистели в свисток и махали руками, но поезд, конечно, и не подумал остановиться. Это фигура речи, понятно, поезд не умеет думать. Ну хорошо, машинист не подумал. Ведь поезд должен прийти в пункт назначения по расписанию, ему нельзя опаздывать, тем более, ради какого-то санитар в шапочке и халате.

Итак, поезд не остановился, чему я был очень рад. Ваш билет, сказал проводник девушке. Вот мой билет, сказала девушка. Какой же это билет, засмеялся

проводник, поглядывая на меня с таким выражением, словно приглашая посмеяться вместе. Ха, ха, ха! А что это, разве не билет, спросила девушка. Это билет, конечно, сказал проводник, но это билет на электричку. Ну и? А это скорый поезд. В Шале он не остановится. Если туда электричкой ехать, то это от Перми или от Екатеринбурга, как раз пересадочная станция. То есть можно, в принципе, где угодно выйти, отовсюду доедете. Но мы между Пермью и Екатеринбургом не останавливаемся, потому что наш поезд супер-скорый! Представляете, если я сейчас стоп-кран дерну и вас высажу, какой штраф вам выпишут? Ближайшая остановка «Екатеринбург». Что же мне делать, сказала девушка. Вас по инструкции полагается посадить на ближайшей станции, а это, как я и сказал, Екатеринбург, обстоятельно пояснил проводник. Оттуда доедете, так что вам-то хорошо. Но вот сейчас пройдет инспектор, мне из-за вас попадет. Девушка, вы понимаете, что вы меня подставляете? — закричал внезапно он. На груди его значилось, что зовут его Федор Михайлович. Извините меня, сказала девушка. Извините на хлеб не намажешь, в карман не положишь, сказал Федор Михайлович. Ладно, ждите, сейчас все билеты проверю, к вам вернусь. А ваш билет, сказал он мне. Я показал билет. А, вы из соседнего вагона. Постерегите ее пока, молодой человек. И он ушел проверять билеты у прочих пассажиров, в смысле более тщательно проверять, чем при посадке, предлагать им чай, спрашивать, что

они будут на обед: курицу или мясо, а также предлагать настольные игры и сувениры.

За окном меж тем пейзаж двигался с большой скоростью. Город уже закончился, но лес еще не начался. Мелькали какие-то случайные строения, отдельностоящие группы деревьев, поля и линии электропередачи и недостроенные или полуразрушенные заводы, производящие товары народного потребления. Только что рассвело, но не это было главной проблемой. Я все думал о том санитаре — чего ему нужно было на вокзале? Вряд ли он появился там случайно и вместе с полицией дул в свисток. Искал ли он меня, а если искал, то нашел ли? Снега еще почти не было, но иногда он лежал, отдельными пятнами, первый снег, которому предстоит скоро растаять. Собственно, он уже начал таять, просто растаял не весь. Даже отдельные пятна делали весь пейзаж черно-белым, это интересный феномен, ведь белого почти не было, в основном черное и серое. Ну небо еще. Видимо, взгляду хотелось больше белого, больше света, больше радости! И оттого пейзаж правомочно было назвать черно-белым, а не, скажем, черно-серым или серым. Деревья и избы были черными, все остальное серым, или белым, или опять черным, и не было ничего цветного снаружи, как будто смотришь не в окно, а на экран, где показывают древний фильм.

Вы правда не знаете, чем электричка отличается от скорого, спросил я. Она не ответила. Меня зовут Вася, сказал я. А вы правда намереваетесь за мной

следить, спросила она. Да что вы, я, наоборот, намереваюсь следить за Федор Михайлычем, ответил я, кажется, весьма остроумно. За кем? Ну за проводником. Меня Галя зовут. Может, давайте на «ты» будем? А вот, кстати, и он. Кто? Федор Михайловичь.

Федор Михайловичь, завершив свой труд по ознакомлению новых пассажиров с распорядком дня, расписанием, по сбору заказов на чай и обед, проскользнул мимо нас. Минутку, сказал он. Сейчас подойду. Да не стойте вы на проходе, заходите сюда, — и он открыл служебное купе. Мы зашли, и дверь за нами с щелчком захлопнулась. Мы в ловушке! Когда этот Екатеринбург-то будет, сказала Галя. А потом сказала: нравится вам моя прическа? Прическа как прическа, на самом деле. Но я сказал, хорошая прическа, отличная прическа. Она улыбнулась, потому что так и думала. А сами-то куда едете, спросила она. Я в Шалю, но это вы уже и так поняли. А я в Ебург. Зачем? Думал дома отсидеться. Потом из Ебурга на самолете в Киров. В смысле отсидеться? Тут я сообразил, что не хочу ей рассказывать о больнице и об общаге. Мало ли, что это за девушка подозрительная, может, ее комендант послал. Поэтому я ей просто сказал: был здесь в педи, предзащищался, а на какую тему, а на тему «О некоторых свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью». О, интересно, сказала Галя, эм-устойчивость там, да? Да, отвечал я несколько удивленно. Вот у меня как раз автореферат с собой,

могу дать почитать. А давай, согласилась Галя. Откуда вы про эм-устойчивость-то знаете, допытывался я. Ну кто ж этого не знает, сказала она. А позвольте осведомиться, зачем такая просвещенная девушка едет в Шалю, спросил я. Я не расслышал, кажется, она назвала меня на «ты», поэтому я пока решил говорить с ней безлично, чтобы не попасть в глупое положение. Да очень просто, сказала она, дело в том, что у меня там... парень? — она задумалась. Все сложно, спросил я. Нет, нет, все просто, сказала она. У меня там парень, но я пока ни разу его не видела, скажем так. Ну живу не видела. Так, переписывалась. А, то есть это как бы первое свидание? Ну типа того. А прическа класс, сказал я. Спасибо, сказала она.

Больше как-то и говорить было не о чем. Она уткнулась в мой автореферат, а я в проплывающий (или пролетающий) за окном пейзаж. Вдруг меня посетила счастливая мысль. Как насчет пива, спросил я. Пиво? У тебя есть с собой пиво? Местное пиво, не совсем местное, из Кирова, называется «Вятич», говорят, неплохое, сказал я, понятия не имея, плохое оно или неплохое. Ну что ж, можно и пива, сказала она. Я достал из рюкзака бутылки. В отечественных вагонах есть очень удобные отверстия под столиками, как раз для того, чтоб открывать пивные бутылки. Каждый стал пить из горлышка. У меня была знакомая девушка, сказал я, которая открывала пиво глазом. Галя, приняв от меня угощение, по неведомым

психологическим законам теперь должна была развлечь меня беседой. Хорошо, что она тоже это понимала. Но она не успела, потому что дверь купе отъехала, и к нам вошел проводник Федор Михайлович. Полюбуйтесь, трагически сказал он, уже пьют пиво. А вы знаете, молодые люди, что это купе — это суперрезерв, и оно хранится только для самых экстренных случаев? Только у начальника поезда есть от него ключ. Даже у меня его быть не должно. Но он же у вас есть, сказал я. Случайно оказался, сказал Федор Михайлович. А вы знаете, что это вот ученый, математик, он едет на конференцию в Екатеринбург, сказала Галя. Правда, что ли, спросил Федор Михайлович. Да, по потоковым шифраторам, сказал я. Вот, смотрите, и я вручил ему свой автореферат. Держите, почитаете на досуге о некоторых свойствах корреляционно-иммунных функций с высокой нелинейностью. Это мой доклад. А я его буду сопровождать, сказала Галя. Может быть, мы можем оплатить это сверхсекретное купе, правда, по обычной ставке, и проедем в нем до Екатеринбурга? И я оплачу свой билет, и у вас проблем не будет? Если понадобится купе, мы его сразу освободим, правда, Василий Антонович? Да, я кивнул важно. Освободим, о чем разговор вообще.

Когда переговоры были завершены и деньги уплачены, я сказал: еще два вопроса. Да, угодливо сказал Федор Михайлович. Если нам нужно будет выйти проветриться... Все ясно, сказал Федор Михайлович.

Просто постучите три раза вот в эту стенку. А если вас не будет на месте? А если меня не будет на месте, постучите через минуту. А если нам срочно? В общем, долго рассказывать, но уговорили Федора Михайловича, и он оставил нам ключ под нашу научную ответственность и дополнительную оплату в счет залога.

Когда он ушел, Галя наконец реализовала свою психологическую обязанность меня развлечь. Из ее рассказа я узнал, что:

- она жила (живет) в самой Москве, отец у нее профессор и тоже занимается корреляционно-иммунными функциями с высокой нелинейностью;

- однажды ей позвонил сотрудник «Сбербанка» и сказал, что с ее счета кто-то пытается снять 8600 рублей. Она удивилась, потому что у нее не было никакого счета в «Сбербанке», и она так и сказала этому сотруднику. Ну что ж, давайте разбираться, сказал сотрудник, как такое могло с вами случиться. И она ему рассказала все о себе: и как ее зовут, и где она живет, и даже что отец ее занимается корреляционно-иммунными функциями с высокой нелинейностью. В оправдание ей можно сказать, что о телефонных мошенниках тогда еще никто не слышал, и еще можно сказать в ее оправдание, что голос, с которым она имела беседу, был таким мужественным и в то же время добрым, что она, может, о чем-то если и догадалась, с удовольствием говорила бы и говорила с ним. Я тогда была в постпубертатном состоянии, понимаешь,

сказала она. Голос (его, не ее) был с легкой хрипотцой, спокойным, полным собственного достоинства — голоса всех знакомых математиков, и отца, и его друзей, и ее одноклассников из 57-й школы, и всех ее сокурсников были на фоне этого голоса истерическими и... и... какими-то изнеженными, что ли. Я с трудом удержался от вопроса, как ей нравится мой голос, точно так же, как она спрашивала у меня, как мне нравится ее прическа. С другой стороны, голос не прическа, его поменять сложнее;

- этим дело не ограничилось. Окончив университет, она после череды смен работ устроилась аналитиком в одно агентство, где занималась исследованием рынков самых разнообразных продуктов. В частности, в какой-то момент ей поручили заниматься рынком ПЭТ-ЛФ, и когда она им занималась, ей позвонил некто с предложением купить или продать партию ПЭТ-ЛФ. Событие само по себе странное, но, мало того, это был тот же знакомый голос сотрудника «Сбербанка»! Она дала ему адрес своей электронной почты, они переписывались, созвонились даже еще несколько раз, но, поскольку покупать она у него ничего не собиралась, а хотела только выведать что-нибудь о совершенно ей не знакомом рынке ПЭТ-ЛФ, он никак ей не помог и довольно невежливо оборвал общение. Это был очевидно чоткий молодой человек;

- этим дело опять не ограничилось. Ей звонило все больше и больше народу, предлагая заменить пла-

стиковые окна, купить волосы, избавиться от пьянства, поставить новый счетчик, продать диплом или автомобильные права, предложить поучаствовать в афере по получению наследства недавно умершего богача из какой-нибудь ближнеафриканской страны, сообщить о плохих результатах медицинских анализов и необходимости срочного лечения или, по крайней мере, лекарства. При этом все звонящие более или менее правильно указывали ее адрес и состав семьи, но почему-то больше все звали ее Лукерья Потаповна или Олимпиада Агафоновна. И звонки все были на какие-то неприятные темы: все пытались ее развести на бабло или просто сообщить плохие новости. Один назойливый мужчина все пытался купить у нее ночь любви или хотя бы единоразовый минет и все никак не мог поверить, что она не проститутка. Бывали и другие противные звонки;

- приятный звонок поступил только от того работника «Сбербанка» (бывшего работника, уточнил он) и специалиста по ПЭТ-ЛФ. Он позвонил ей, правильно назвал ее имя и сходу сообщил, что она сорвала джекпот в лотерее. Только сначала нужно было перевести часть суммы в качестве налога, без этого приз не выдавали. Никаких схем обхода лотереи, спасибо, ему хорошо платят, не хотелось бы из-за призрачного обмана лишиться хорошей работы, если вы так понимаете. А если вы тоже против коррупции, то вы меня поймете и без предыдущего уточнения. Приз

был приз-сюрприз. Она слегка сомневалась, конечно, но деньги перевела, тем более что просили немного, и тем более, главным было слышать его голос. Куплю себе немного его голоса, объясняла она это себе. Потом потребовались деньги на услуги адвоката. Потом объявилось еще несколько победителей, приз-сюрприз решили продать, а деньги поделить на всех. Но один из новых победителей захотел рискнуть и определить единственного победителя. Для него провели фальшивый розыгрыш и отцепили его с маленькими откупными. А ведь на все это нужны деньги. Так что в итоге, когда деньги все-таки пришли, выгода была совсем небольшая. Но выгода была. Примерно как если бы она эти деньги положила на депозит и получила назад с процентами. Кроме того, человек из «Сбербанка» (будем называть его не Павлом, как он представился, а Пашей, как сначала про себя, а потом и вживую стала называть его Галя), — кроме того, Паша, чувствуя неловкость перед Галей, купил ей от себя, дистанционно, конечно, букет цветов и заказал доставку курьерской службой по новому адресу. Она как раз переехала от родителей и стала вместе с подругой снимать квартиру в Мытищах;

- конечно, она общалась с Пашей не только по телефону. У него была также электронная почта, но не было никаких соцсетей. Только хардкор, только e-mail. Но вот что характерно: общение по и-мэйлу с Пашей не доставляло ей никакого удовольствия. В своих пись-